

СТАРЫЙ ПОЭТ

Поэт седой на клумбах звёздных,
Ночным часам теряя счёт,
Опять пропалывает воздух –
И тот густой строкой цветёт!

Занятьем тайным увлечённый,
Хоть нет ни сил, ни куража,
Он отдохнёт, лишь рифмы-пчёлы
Над первоцветом закружат...

В ТЕАТРЕ

В театре, как в самолёте:
«Просим занять свои кресла
И отключить телефоны».
Занавес в небо!
Взлетаем!

В театре, как в самолёте:
Партер аплодирует сидя.
Посадка прошла успешно,
Мы снова вернулись
На землю.

ДУША

У него полно забот,
Но на то он Боже,
Чтобы знать: душа вот-вот
Вылетит из кожи.

Потому что – допекло,
Потому что – осень.
Не ударится в стекло,
Вылетит, не спросит.

Выше линий передач,
Вслед за птицей белой,
Но услышит женский плач
И – вернётся в тело.

КУСТУРИЦА

В семье квадратов из Белграда
Росли два сына – два квадрата.
И ждали третьего... Но вдруг
Родился не квадрат, а круг!
Квадрат не стал ругать супругу,
А взял две ракии и к другу.

«Ну как, скажи, она могла,
Ведь в нём ни одного угла!
Пусть не квадрат, пусть треугольник,
Но – круг! Замешан тут любовник!»
«О, я бы так не ревновал, –
Ему ответил друг (oval). –
Ведь знают все друзья в округе,
Что нет верней твоей супруги!»

(А дети были рады: «Братик!
Кружок не хуже, чем квадратик!»)

ГОРЕЧЬ

На душе такая горечь,
Хоть вставай на табурет!
Где вы, Женя Бунимович,
Со стихами чебурек*?

И чешу я дальним лесом,
Повторяя, как устав:
Кто обрезан, тот с обрезом,
Кто с обрезом, тот и прав!

* «Я простой московский чебурек...»
(Евгений Бунимович, 1986 г.)

ДУБРОВСКИЙ

Сорок два... Выходи и не мешкай
За любого, но кто он – любой?
И сам Пушкин, похоже, с усмешкой
Смотрит в класс со стены голубой.

Трудовик – ветеран Уралмаша,
А физрук неотёсан зело...
... И опять Марь Кирилловна, Маша,
В парк придёт и заглянет в дупло.

СТАРОРОДЯЩАЯ

Пусть говорят «старородящая»,
Но ты-то знаешь: в сорок три
Одно лишь важно – настоящее,
Оно бьёт ножкой изнутри.

Неважно, женится не женится
И как ты до того жила,
Сейчас ты женщина-роженица,
А значит, богова жена.

ВОЙНА

Твои генералы вконец ошалеют,
В широких лампасах нет правды и чести,
Шинели из драпа пропахнут «Шанелью»:
«Шанель № 300», «Шанель № 200».

Война всех пометит кровавою охрой,
Вовек не отмыться – не смоешь ожоги,
И то, как мы жили, – и бедно, и плохо –
Покажется лучшими днями для многих...

ВСТРЕЧА

Если в воздухе мало «вой-фая»,
то в руках отсыхают смартфоны,
и приходится – как это странно! –
друг на друга смотреть... И в словах
оставлять разноцветные нитки:
потянул и продолжил беседу
на любую неважную тему –
как же здорово просто болтать,
улыбаясь друг другу беспечно,
и случайно (как будто случайно)
к оголённой руке прикасаться!

КУПАЛЬНИ

В термальных водах Будапешта,
Богатых фтором или бором,
Я буду греть бока неспешно,
Как отпускной заезжий боров.
А что вы, собственно, хотели
От отприска страны недальней?
Душе – крещенские купели,
А телу – райские купальни.

КРОКОДИЛ

Если б жил я в таёжной деревне,
То на речку б один не ходил –
Мужики говорят: «Там намедни
Низко-низко летал крокодил».
Я бы пил, но не так чтобы крепко,
Да намазывал масло на шиш,
А когда уродилась бы репка,
То не звал бы ни жучку, ни мышь.
Поутру бы, в трусах по колено,
Я б колол за сараем дрова.
Крокодил, он того... не полено...
Лишь бы яблоки не воровал.

КАРАНДАШИ

Бог выдаёт старикам
цветные карандаши,
и они, словно дети,
с азартом начинают
 заново раскрашивать
 контурные рисунки
 памяти зыбкой.
Как быстро
 стачиваются карандаши!
Особенно жёлтый,
 зелёный и синий.
А чёрный лежит нетронутый,
 острый, как факт.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Грелка в ноги, судоку
 Да ромашковый чай.
Моё сердце в субботу
 Перестанет стучать.
Санитарочка бодро
 Перестелет бельё.
Всё? Не всё.
За субботой
 Воскресенье моё.